

Верительная грамота Петра Первого в Светлейшую Республику в контексте российско-венецианских дипломатических отношений

Наталья Карданова (Университет Генуи)

В начале XVIII в., когда Россию, занятую многолетней борьбой со Швецией на северном фронте, не связывало более со Светлейшей республикой участие в антиосманском союзе, дипломатические отношения с бывшим союзником активизируются дважды – в 1710-1711 гг. во время подготовки к Прутскому походу, когда Петр направляет в Венецию барона Урбиха с грамотой от 9 января 1711 г. (ASV. Collegio. Lettere principi. F. 13, № 61. Опубликовано в: ПиБ11: 29-30), а также – для развития торговли – Дмитрия Боциса и постоянного представителя Маттео Каретту¹, а затем в 1716-1720 гг., когда экономические интересы России приводят в Светлейшую другого ее постоянного представителя, – Петра Беклемишева (ASV. Collegio. Lettere principi. F. 13, № 70, публикуется в приложении к настоящему докладу).

Верительная грамота – документ, обеспечивающий дипломатическому представителю страны возможность выполнить возложенную на него внешнеполитическую миссию, – в России XVII-XVIII вв. готовилась во внешнеполитическом ведомстве – Посольском приказе (при Петре Первом, с 1720 г., – Коллегия иностранных дел). Как и прочие царские грамоты иностранному адресату, эти грамоты составлялись по заданному содержанию специально подготовленными сотрудниками, одобрялись царём (а начиная с 1709 г. в Венецию и подписывались им), после чего переписывались набело и получали декоративное оформление (Котошихин 2000: 45-46) в соответствии с действовавшими в России представлениями о том, каким образом должно выглядеть и звучать послание от лица царя – эта практика была подтверждена при Петре Первом (ПСЗРИб: 130). В результате работы профессиональных составителей из царского внешнеполитического ведомства исходил документ деловой письменности, написанный от лица автора (царя Петра), выразивший его волю и несший

¹ Оригиналлов царских грамот на русском в государственном архиве г. Венеция не обнаружено, здесь представлен латинский перевод царской грамоты о Каретте от 12 апреля 1711 г. (ASV. Collegio. Lettere principi. F. 13, № 72; опубликован в: ПиБ11: 169). Черновик царской грамоты о Боцисе от 2 марта 1711 г. в РГАДА (1-ая редакция: РГАДА, Сношения с Венецией, оп. 1, 1711, л. 3-5; 2-ая редакция: Сношения с Венецией, оп. 1, 1711, л. 1-2), обе редакции опубликованы (ПиБ11: 110-112).

отпечаток его личности и эпохи в русской истории, с ним связанной, в этом смысле – авторский текст.

Мы исходим из предположения, что даже столь, на первый взгляд, мало подверженный изменениям жанр деловой письменности, как верительная грамота, отражает произошедшую при Петре коренную трансформацию дипломатического и эпистолярного этикета и, тем самым, координаты новой, Петровской культуры. Мы проанализируем верительные грамоты российским посланникам Петра Первого в Венеции в их взаимосвязи с предшествующей традицией (тексты рассматриваются и цитируются нами по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве г. Венеции) и с учетом появившихся при Петре грамот-ходатайств², учитывая особенности русского дипломатического церемониала, и попытаемся выявить специфику Петровской верительной грамоты в контексте российско-венецианской дипломатической переписки.

Последняя возникла в связи с военной угрозой, исходившей от Османской империи для Венеции, и от крымского хана – вассала Турции – для России. Дипломатические отношения России и Светлейшей республики выстраиваются вокруг антиосманского военного альянса с Венецией – потенциального в правление царя Алексея Михайловича, заключенного в регентство Софьи, при формальном правлении царей Ивана и Петра Алексеевичей (когда внешними делами ведал Василий Голицын), и подтвержденного уже при Петре Первом. В контексте потенциальных общих интересов дипломатические посланники царя Алексея Михайловича привозят в Венецию верительные грамоты: Чемоданов и Посников³ – грамоту от 3 июля 1656 г. (ASV, Collegio. Lettere principî, F. 13, № 4) (ПДС10: 918-925); Желябужский и Давыдов – от 12 июля 1662 г. (ASV, Collegio. Lettere principî, F. 13, № 4 (повторно) (ПДС10); Кельдерман – от 27 апреля 1668 г. (ASV, Collegio. Lettere principî, F. 13, № 5) (ПДС4: 716-720); Менезиус (Миниус) – от 11 октября 1672 г. (ASV, Collegio. Lettere principî, F. 13, № 3) (ПДС4: 766-767). Грамоту от лица царей Ивана и Петра Алексеевичей от 25 января 1687 г. (ASV, Collegio. Lettere principî, F. 13, № 19) (ПДС10: 1251-1253) в Венецию доставляет Волков.

² От 11 июля 1696 г. о присылке венецианских судебных мастеров (ASV, Collegio. Lettere principî. F. 13, N 43) (ПиБ1: 82-84); от 30 апреля 1697 г. о путешественнике-дипломате графе Борисе Петровиче Шереметеве (ASV, Collegio. Lettere principî. F. 13, № 63), первая научная публикация – (ПиБ1: 151-152); от 25 февраля 1697 г. о русских учащихся морскому делу (ASV, Collegio. Lettere principî. F. 13, № 40, 42) (ПиБ1: 133-134); о греческой православной церкви в Венеции (ASV, Collegio. Lettere principî. F. 13, N 59) (Шмурло 1898: 55-57), также более ранней, от лица двух царей, от 13 февраля 1688 г., о Лихуде (ASV, Collegio. Lettere principî. F. 13, N 66. ПДС10: 1312-1314.) и более поздних Петровских о Змаевиче от 30 апреля 1716 г., (ASV, Collegio. Lettere principî. F. 13, N 71, опубликована в: (Карданова 2013: 443-445) и Владиславиче от 14 июня 1716 г. (ASV, Collegio. Lettere principî. F. 13, N 68, опубликована в: (Карданова 2013: 445-446).

³ См. о них в Венеции и, шире, в Италии: Di Salvo 1997, Шмурло 1932, Шаркова 1972.

При Петре Первом дипломатическая практика претерпевает ряд кардинальных изменений⁴: появление постоянных дипломатических представительств России за границей приводит к переосмыслению функций дипломата. Это переосмысление следует объяснять не только потребностями времени и особенностями внешней политики Петра Первого, но и особенным, доверительным отношением Петра к профессиональным качествам своих сотрудников, трудящихся на благо России, как и сам первый русский император. До Петра, как следует из царских наказов, посланник следовал царскому дипломатическому церемониалу, и, передавая иностранному правителю царское слово, не мог отступить от него ни на йоту. Рескрипты Петра Первого к Беклемишеву свидетельствуют о том, что “большую часть необходимой информации Петр Первый передавал дожу через Беклемишева устно, ограничиваясь написанием специальных грамот, когда обойтись без них не представлялось возможным” (Карданова 2016: 120), в силу чего “выбор наиболее подходящей словесной формы был – в отличие от допетровской практики – во власти русского посланника, равно как и форма поведения на аудиенции у дожа” (Там же: 133). Придавая принципиальное значение бытовому и эпистолярному этикету⁵, Петр Первый трансформировал и дипломатический церемониал, приблизив его к европейскому: “Церемониал старой России самобытен... Церемониал XVIII стол. сходен с французским и еще более с цесарским, и очевидно составлен по их образцу” (Александренко 1894: 18).

Трансформации подвергся и – реконструируемый из текстов – этикет царского дипломатического послания⁶, определяющий графико-декоративное (количество золотой краски, украшение специальным орнаментом страницы и заглавной буквы⁷) и структурно-речевое оформление: формуляр (формулы начального и конечного протокола, основного текста) и его речевое наполнение. Что касается последнего, то “в качестве регулятора, доминирующего принципа, организующего текст дипломатического послания, выступает не дипломатический статус автора царского послания и его адресата, а статус вежливого собеседника: правила нового речевого этикета регулируются ролью автора в коммуникативной ситуации” (Карданова

⁴ Об истории дипломатического церемониала России в контексте европейского дипломатического церемониала см. работу Я. Хеннинга (Hennings 2016).

⁵ Об изменениях в последнем см.: Полонский 2011, Venacchio 1984, Venacchio 1985. Уже в 1712 г. из печати вышел письмовник (Приклады), подготовленный вице-канцлером М.П. Шафировым (1669-1739) – вторым лицом будущей Коллегии иностранных дел: переведенные с немецкого послания от “потентатов” к “потентатам” Европы предлагались русскому читателю как норма эпистолярного общения.

⁶ Объем доклада не позволяет нам рассмотреть дипломатический язык Петровской верительной грамоты в сопоставлении с языком европейских верительных грамот.

⁷ О допетровских нормах см.: Котошихин 2000: 45-46, они сохранены при Петре в грамотах в Венецию.

2013: 386) – до Петра работа над текстом подчинялась стремлению продемонстрировать и не уронить царский статус автора.

Речевое наполнение формуляра допетровской верительной грамоты определила коммуникативная задача, которую она призвана была решить, – добиться, чтобы посланные (лексема *послать* в различных грамматических формах) в Венецию царские подданные были приняты как уполномоченные царем говорить от его имени, отсюда – указание на дипломатический статус (посланников – 1656 г., послов – 1662, посланника – 1686) и высокий социальный статус, внушающий адресату доверие; чтобы они были выслушаны как царские представители (верительная формула с лексемой *верить*), а затем могли беспрепятственно вернуться на Родину (лексема *отпустить* отражала социальные реалии и дипломатический этикет России, предполагавший официальное разрешение царя покинуть страну, шла ли речь о русском или иностранном подданном). Высокое/низкое происхождение царских представителей составители царской грамоты подчеркивали, используя особенности русской антропонимики⁸, актуальные для русского, но никак не иностранного адресата того времени: указывали принадлежность к высокому сословию первого посла, давая, помимо имени, родовую фамилию и отчество на –ич (индикаторы высокого социального положения), в случае второго посла – ответственную должность в государственном аппарате в сочетании с именем и родовой фамилией.

“Дела” (практические задачи), приведшие царских посланников в Венецию, в грамотах царя Алексея Михайловича не назывались из соображений конфиденциальности (1656: “о тех ... и иных делех”) или же характеризовались как касающиеся царя (1662: “о наших царского величества делех”) или царя и дожа в том случае, когда коммуникативной задачей грамоты было обратить внимание Светлейшей республики на общие интересы – в этом случае используются лексемы со значением “касаться, иметь отношение” (*належать*: “делех которые нам великому государю нашему царскому величеству и вашему княжеству належат” – 1656) и “общие, объединяющие” (*соседственные* – Россия и Венеция не были пограничными государствами: “о делах соседственных предложить – 1668”). В последнем случае клише дипломатического языка позволило – синтаксически – составителям грамоты указать цель дипломатической миссии, – готовность развивать дипломатические отношения с иностранным государством): “и впред бы соседственная пожиточная дружба возрастала”. Лексема “предлагать” на самом деле не предполагала ведения переговоров, что в наказе посланнику строго оговаривалось. Особенный случай – верительная грамота Волкову царей Ивана и Петра Алексеевичей, составленная под наблюдением главного царского дипломата Василия Голицына и отразившая внимание главы внешнеполитического ведомства к дипломатическому протоколу: конечная цель дипломатической миссии – развитие (“с прира-

⁸ Об особенностях антропонимики того времени см., в частности: Никонов 1970.

щением”) отношений (“дружба и любовь”) между царями и дожем входит в подробное описание протокольной стороны.

Составители грамоты об Урбихе сохранили структуру допетровской верительной грамоты в Венецию, отказавшись от ходатайства об беспрепятственном отпуске посла на родину, и модифицировав речевое наполнение в соответствии с коммуникативной задачей грамоты.

Если предшественники Петра при помощи лексемы *послать* сообщали адресату об отправлении дипломатической миссии как о выполняемом (“посылаем” – 1662; “изволяем послати” – 1686) или выполненном действии (“послали” – 1656 и 1672; “послан” – 1668), то в грамоте об Урбихе эта лексема дана в составе клише “изобрели мы запотребно быти ... послать”: новый этикет царской грамоты требует формально-логического обоснования действия автора. Адресат дипломатической миссии – не только дож (“к вашей светлости”), но и Венецианская республика (“и яснейшей Речи Посполитой”). Составители грамоты на первое место поставили чин Урбиха на штатской службе (появившийся при Петре: “нашего тайного советника”), предполагающий особенное доверие царя профессиональным качествам сотрудника; затем обозначили его дипломатический статус при помощи новой заимствованной лексемы *министр* с определяющим ее прилагательным *полномочный* (“и полномочного министра”) и лишь затем – родовой титул (“барона”) в сочетании с родовой фамилией (“Урбиха”), как то было принято в Европе: специфика русской антропонимической системы того времени, позволяющей социальную дифференциацию, сознательно проигнорирована.

В описании цели Урбиха – решение практических вопросов – лексема *дела* получила определение *нужнейших* (“для нужнейших дел”), значение которого раскрывается далее: речь идёт об интересах не религиозного, а светского характера, служащих благополучию (лексема *благо*: “ко общему благу”) и высшим интересам (лексема *польза*: “и высокой пользе”) обоих государств (впервые упомянуты *страны*, а не царь и дож: “обоих наших стран принадлежащих”).

Сообщение об отправлении в Венецию Урбиха с дипломатической миссией предстаёт как её обоснование благодаря использованию далее союза следствия *того ради*, вводящего верительную формулу (ср. сочинительный союз *а* со значением перехода к новой информации в грамотах 1656, 1668 и 1672 гг., а также союз *и* со значением логического следствия в грамотах 1662 г. и 1686 г.).

Ходатайство о приеме Урбиха заявлено в главной части сложного предложения, в двух изъяснительных придаточных, введенных союзом *да* и впервые в верительной грамоте связанных союзом *не токмо ... но и*, описаны ожидаемые от дожа действия: доверие информации, излагаемой посланником, и принятие дожем решений, соответствующих полученной информации и ожиданиям автора грамоты.

Царское ходатайство представляет собой вежливую просьбу: клише *дружесбно просим* выработано в грамотах-ходатайствах Петра Первого,

где лексема *просить* используется после 1700 г. (*дружесбно просим* – 1707 г. и 1710 г.), ср. ранее волеизъявление автора царской грамоты: *прилежно желаем* (цари о Лихуде, 1688 г.), *благоволително желаем* (1697 г.), *желаем* (1696 г.). Выполнение просьбы адресатом представлено как ожидаемая автором любезность (*благоволите*; появляется в ходатайстве Петра Первого 1710 г. греческой церкви: “И тако уповаем, что ваша светлость и яснейшая Речь Посполитая сие наше желание исполнить благоволите”, ранее однокоренное наречие *благоволително* использовалось, когда речь шла о волеизъявлении автора царской грамоты – *благоволително желаем*). Клише *дружесбно просим* и лексема *благоволите* свидетельствуют о формировании новых формул вежливости в верительной грамоте, допускаемых теперь дипломатическим этикетом. Это отличает верительную грамоту Урбиха от грамот допетровской традиции, где использовалась форма инфинитива с частицей *бы* со значением желаемого действия, адресат указывался в дательном падеже (“вам бы им в том верить” – 1656 г.; “и тому б верить” – 1687 г.). Эта форма характерна, в частности, для письменных распоряжений царя Алексея Михайловича местным русским властям (“вам бы о том отписати, и тому роспись прислать с нарочным гонцом к нам В. Г-рю” (ПДС10: 813), и представляет собой смягченную просьбу в отличие от более категоричных указаний без частицы *бы*, которые мы находим в наказах дипломатическим посланникам в Венецию.

Верительная формула – ходатайство о доверии информации (“благоволите полную веру яти”; ср. ранее *верить*), излагаемой посланником царя (придаточное предложение с союзом *еже*: “еже оный вам именем нашим предлагать будет”). Двучастная структура сближает эту формулу с представленной в грамоте 1656 г. (“и о чем они, по нашему царского величества повелею, говорить вам учнут, и вам бы им в том верить”) и 1687 г. (“а что помянутой наш посланник, по нашему великих государей, нашего царского величества, указу, учнет вам предлагать, и тому б верить”), однако у Петра находим не сочинительную, а подчинительную связь.

Ходатайство о принятии дожем решений, соответствующих полученной информации и ожиданиям автора грамоты, – “но и такое решение на то учинити, какового мы за наше доброжелательное намерение от вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой себе уповаем” – в грамоте об Урбихе выделено в отдельную формулу в отличие от грамоты Алексея Михайловича 1668 г. о Кельдермане, где словосочетание, описывающее желаемую реакцию дожа, является частью формулы-ходатайства об отпуске (“отпустить с добрым обнадеживаньем о всем, что пристойно”).

Царь Алексей Михайлович ходатайствовал о готовности дожа идти навстречу (лексема *обнадеживанье*) в тех вопросах, уделить внимание которым иностранный адресат сочтет необходимым (“о всем, что пристойно”). Петр Первый надеется (“себе уповаем”) на принятие дожем решения (“такое решение на то учинити”), столь же (“какового”) дружеского, что и отношение царя (“за наше доброжелательное намерение”) к Светлейшей республике. Лексема “уповаем”, выражающая надежду на выполнение

адресатом ожидаемых от него действий и, тем самым, предполагающая некоторую зависимость автора, новым этикетом была допущена в контексте ходатайства (грамота от 8 июля 1700 г., от 7 декабря 1710 г., позднее – в ходатайстве о Змаевиче от 30 апреля 1716 г. и в верительной грамоте Беклемишеву от 18 января 1716 г.).

Готовность Петра Первого поддерживать дипломатические отношения со Светлейшей республикой конкретизирована при помощи словосочетания “наше доброжелательное намерение”. Тенденция к выработке специальных лексических средств (ср. в допетровских грамотах лексемы *дружба* и *любовь*, дипломатическое значение которых следует из контекста наметилась в ходатайстве Петра 1710 г. о греческой церкви, где речь шла о расположении венецианского дожа к России (*знак приязни*: – “чем вашей светлости ... нам покажется знак приязни”)

В 1716 г., когда экономические отношения со Светлейшей республикой приобрели особенную важность, был повышен дипломатический статус постоянного представителя России: если Дмитрий Боцис с 1711 г. ведал торговлей в соответствующей (Сергеев 1971: 166) роли “консула” (покинул Венецию в 1720 г.), то Петр Беклемишев был назначен⁹ “агентом”, то есть постоянным представителем (*Там же*: 156), сфера деятельности которого не ограничена торговыми вопросами. Новая дипломатическая практика отразилась в верительной грамоте, потребовав переработки формуляра и поиска новых речевых средств.

Обоснованием ходатайства (причинно-следственная связь усилена – *понеже – сего ради*; ср. в грамоте об Урбихе: *того ради*) стало сообщение о смене дипломатического представителя Петра: новая формула включила две части, в обеих использованы новые средства дипломатического языка: в формуле назначения посланника – “определили быть агентом” (лексема *определили* указывает на осуществленный автором грамоты выбор посланника, ср. ранее лексему *послали*, дипломатическое значение которой выявлялось из контекста, лексема *агент* (до Петра использовалась исключительно по отношению к иностранным дипломатам в России: Сергеев 1971: 156) характеризует постоянный характер миссии Беклемишева); в отзывной формуле – лексема *отозвать* (официальное прекращение дипломатическим лицом своих обязанностей).

⁹ И.С. Шаркова (1981: 116) связывает назначение Беклемишева с особенностями “отчетливо проявившейся в середине 1710-х годов общей торговой и финансовой политики Петра I, стремившегося осуществить свой проект – вырвать русскую торговлю из рук посредников, установить прямые торговые связи со странами, куда русские товары привозились обычно английскими, голландскими, любекскими и гамбургскими купцами, особенно теми, которые обладали большими запасами драгоценных металлов – Италией и Испанией”, а также “трудностями в сбыте казенных товаров, для которых понадобились новые рынки сбыта” (*Там же*), и (предстоящими) тратами на закупку “на Аппенинском полуострове каррарского мрамора, раковин и других строительных материалов для дворцов в Стрельне и Петергофе, а также произведений итальянского искусства для их украшения” (*Там же*).

Оба посланника охарактеризованы исключительно по своему дипломатическому статусу – нынешнего (“быть агентом”) и “бывшего” агента, названы по имени и родовой фамилии (“Петра Беклемишева”, “Матвея Кореты”), в соответствии со знакомой дожу антропонимической нормой, имя Каретты дано в русской огласовке (“Матвея”).

Отзыв посланника мотивирован при помощи клише *за благо рассудили*, которое по своей семантике аналогично клише *изобрели мы запотребно быти* (грамота об Урбихе) и содержит лексему *благо*, встреченную нами в той же грамоте об Урбихе, которая в контексте грамоты о Беклемишеве предполагает общие государственные интересы России и Венеции (ср. подразумеваемую пользу – *запотребно* – в грамоте об Урбихе). Следует сказать, что *рассудили за благо* появилось в грамоте от 7 декабря 1710 г. о победах на Балтике в формуле-сообщении о разрешении венецианским купцам торговать в новых русских землях (“рассудили мы за благо ... и сие объявить”), а в дальнейшем, в грамоте от 14 сентября 1721 г., было использовано все в той же формуле-сообщении, на этот раз – о заключении Ништадтского мира (“за благо рассудили сообщить”).

Составители царской грамоты мотивировали назначение постоянного дипломатического представителя в целевых предложных конструкциях с предлогом *для* (как и в грамоте об Урбихе) и *ради* в сочетании с отглагольными существительными (*содержания/установления* и *способствования*) и заимствованными лексемами *кореспонденция* и *комерция*. В руках Беклемишева таким образом оказывается царская переписка с Венецией – нуждающийся в улучшении обмен информацией (“для лутчаго содержания кореспонденции”), а также сама возможность экономических отношений – установление и развитие торговых связей (“и ради установления и способствования комерции между нашим государством и Венециею”). Новая роль постоянного посланника – ключевая в осуществлении диалога между Россией и Венецией – конкретизирована подобно тому, как конкретизированы государственные интересы обеих стран в настоящий момент (ср. в грамоте об Урбихе упоминание в целом о “благе” и “пользе”).

Ходатайство о постоянном представителе подлежало модификации: вежливая просьба автора (как и в грамоте об Урбихе: *просим*) о любезном выполнении адресатом (*соизволили*, ср. *благоволите* в грамоте об Урбихе) ожидаемых от него действий касалась признания Беклемишева царским представителем (“за нашего агента признать”: признание оказывается во власти дожа, что не умаляет царский статус), затем – постоянного пребывания в Венеции (“свободно пребывать”: ср. в ходатайстве о Шереметеве “побыть со всеми при нем будущими людьми и вещми, которыя с собою имяти будет, сколько похочет, свободно и безопасно, и в требовании его со всяким вспоможением” и в грамоте об учащих морскому делу “побыть им поволили и всякое к ним доброхотство, бережение и в требовании их вспомогателство, поволность благоприветливо явили”). Уточнено, что “свободное пребывание” посланника должно соответствовать его дипломатическому статусу – в этом значении выступает заимствованная лек-

сема *характер* (“со всеми характеру его принадлежащими волнностями”); очевидно, что речь идет об аккредитации – указаны венецианские власти (“при вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой”).

Лишь затем говорится об оказании доверия (*веру подавати*, ср. в грамоте об Урбихе *веру яти*, в грамотах до Петра – *верить*), причем доверия на протяжении длительного времени – в значении “периодически” использована лексема *иногда*; законность действий посланника обоснована при помощи ссылки на царские распоряжения (лексема *указ*); лексема *предлагать* использована в своем прямом значении: Беклемишев в большинстве случаев был обязан передавать дожу содержание царских рескриптов; “и в протчем” и “всему тому” подразумевают весь круг вопросов, поднимаемых русским посланником.

Царь ходатайствовал и о принятии дожем решений, соответствующих дружескому характеру взаимоотношений между двумя государствами. По синтаксической структуре и речевому составу эта формула схожа с использованной в грамоте об Урбихе – от дожа ожидается принятие решений (“и такую сплошную резолюциею всегда на то онога снабдить изволили”), описываемых в придаточном предложении (“како мы по дружбе, которую мы всегда с вашею милостью и Светлейшей Речью Посполитой содержать хотим, от вас уповаем”), однако лексические средства разнятся. В грамоте о Беклемишеве в новом клише *сплошную резолюциею снабдить* – заимствованная лексема *резолюция* (ср. в грамоте об Урбихе исконно русское *решение учинити*) сочетается с лексемой *снабдить*, что указывает не только на принятие дожем решения, но и на сообщение его посланнику, причем процесс дипломатических взаимоотношений не должен прерываться (лексема *всегда и сплошная*, характеризующая лексему *резолюция*).

В заключение следует сказать, что царская верительная грамота в Венецию, обеспечивая прием царского посланника, не ограничивалась практическим аспектом дипломатических отношений. Она представляла адресату автора – автора дипломатического послания, определяющего поведение и речь дипломатического представителя на переговорах. Верительные грамоты Петра Первого об Урбихе и Беклемишеве отражают изменения, произошедшие в 1710-х годах в дипломатической практике, в этикете царского послания и, соответственно, в дипломатическом языке, – изменения, за которыми стоит идеология первого русского императора, подчиняющая и автора царского послания, и его дипломатического представителя служению наивысшим интересам – их Петр видит в “благе” и “ползе” России.

Сокращения

- ПДС4: *Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. С 1661 по 1674 год, Санкт-Петербург 1856 (= Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, 4).*
- ПДС10: *Памятники дипломатических сношений с папским двором и итальянскими государствами. С 1580 по 1699 год, Санкт-Петербург 1871 (= Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, 10).*
- ПиБ1: *Письма и бумаги императора Петра Великого, I. 1688-1701, Санкт-Петербург 1887.*
- ПиБ11: *Письма и бумаги императора Петра Великого, XI/1. Январь-12 июля 1711, Москва-Ленинград 1962.*
- Приклады: *Приклады, како пишутся комплементы разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалеательные, и иные, такожде между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык и напечатаны повелением благочестивейшаго великого Государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца. При благороднейшем государе царевиче и великом князе Алексии Петровиче. В царствующем великом граде Москве лета Господня 1712 Февруаря.*
- ПСЗРИБ: *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: 1720-22, VI, Санкт-Петербург 1830.*
- ТОДРЛ: “Труды Отдела древнерусской литературы”.
- РГАДА: Российский государственный архив древних актов.
- ASV: Archivio di Stato di Venezia

Литература

- Александренко 1894: В.Н. Александренко, *Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов*, “Варшавские университетские известия”, VIII, 1894, с. 1-29.
- Дмитриева 1955: Р.П. Дмитриева, *Проект серии монографических исследований – изданий памятников древнерусской литературы*, “Труды Отдела Древнерусской Литературы”, XI, 1955, с. 491-499.
- Карданова 2013: Н.Б. Карданова, *Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет*, Москва 2013.
- Карданова 2016: Н.Б.Карданова, *О некоторых особенностях дипломатической коммуникации между Петром Первым и Светлейшей республикой в 1716-20-х гг. через российского посланника в Венеции Петра Беклемишева*, в: *Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова. Высшая школа перевода. IV Международный научно-практический форум. IV Международный научно-практический форум. Языки. Культура. Перевод. 3-10 июля 2016 г. Г. Ираклион. Материалы*, Москва 2016, pp. 120-138.
- Котошихин 2000: Г.К.Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, подг. публ., вводн. ст., коммент. и словник Г.А. Леонтьевой, Москва 2000.
- Никонов 1970: В.А.Никонов, *До фамилий*, in: *Антропонимика*, Москва 1970, с. 93-98.
- Полонский 2011: Д.Г. Полонский, *Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Менишкова с представителями властной элиты Петровской эпохи*, “Меншиковские чтения”, 2011, 2 (9), 2011, с. 75-93.
- Сергеев 1971: Ф.П.Сергеев, *Русская дипломатическая терминология XI-XVII вв.*, Кишинев 1971.
- Шаркова 1972: И.С. Шаркова, *Посольство И.И. Чемоданова и отклики на него в Италии*, в: *Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти академика Е.В. Тарле*. Ленинград 1972, с. 207-223.
- Шаркова 1981: И.С.Шаркова, *Россия Италия: торговые отношения XV-первой четверти XVIII в.*, под ред. В.И. Рутенбурга. Ленинград 1981.

- Шмурло 1898: Е.Ф. Шмурло, *Отчет о командировке 1897 года...*, в: "Ученые записки Имп. Юрьевского ун-та", 1898, 1, с. 55-57.
- Шмурло 1932: Е.Ф. Шмурло, *Посольство Чемоданова и Римская курия*, в: "Записки Русского научного института в Белграде", VII, 1932, с. 1-25.
- Benacchio 1984: R. Benacchio, *Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII*, Padova 1984.
- Benacchio 1985: R. Benacchio Berto, *L'allocutivo reverenziale di cortesia "vy" nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico*, в: *Lingue slave e lingue romanze: un confronto. Firenze, 25-26 gennaio 1985*, Pisa 1985, с. 61-78.
- Di Salvo 1997: M. Di Salvo, *La missione di I. Ćemodanov a Venezia (1656-1657): Osservazioni e nuovi materiali*, в: D. Rizzi, A. Shishkin (a cura di). *Русско-итальянский архив / Archivio italo russo*, Trento 1997, с. 57-83;
- Hennings 2016: J. Hennings, *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648-1725*, Cambridge 2016.

Приложение

При публикации применяются правила ТОДРЛ, разработанные для серии монографических исследований и изданий памятников древнерусской литературы (Дмитриева 1955). В текстах царских грамот-ходатайств все титла раскрыты, все выносные буквы введены в строку, рудиментарные *ъ* и *ь* на конце слов не воспроизведены (воспроизведен *ъ* только в личной подписи Петра), буква *i* заменена буквой *и*, *ω* – буквой *о*, *ѣ* – буквой *е*. Пунктуация современная.

<Грамота Петра I венецианскому дожу Джованни Корнеру от 18 января 1716 г.>

Божию поспешествующею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, царь Астараханский, царь Сибирский, государь Псковский, и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Нова города Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всеа Северныя страны повелитель, и государь Иверские земли карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли черкасских и горских князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных, и северных, отчич, и дедичь, и наследник, и государь, и облаадатель. Светлейшему князю и господину, господину Иоанну Корнелиу, Божию милостию арцуху владетелства Венецийского, и всей яснейшей Речи Посполитой Венецкой нашей любительное поздравление. Понеже мы для лутчаго содержания корреспонденции и ради установления и способствования комерции между нашим государством и Венециею определили в Венеции при вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой быть агентом Петра Беклемишева на место бывшего тамо до ныне агента Матвея Кореты, которого мы отозвать за благо разсудили; сего ради вашу светлость просим, дабы не токмо оного Беклемишева за нашего агента признать, и со всеми характеру его принадлежащими волностями при вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой свободно ему пребывать соизволили, но и в протчем всему тому, что он иногда по указу нашему предлагать будет, веру подавати и такую сплошною резолюциею всегда на то оного снабдить изволили, како мы по дружбе, которую мы всегда с вашею светлостию и яснейшею Речью Посполитою содержать хоцем, от вас уповаем. При сем вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой желаем от господа бога здравия и всякого благополучия. Дан в Санкт Петербурке генваря 18го дня 1716 Государствования нашего 34го году.

Вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой
добрый приятель

ПЕТРЪ

Оригинал грамоты хранится в Государственном архиве г. Венеции (ASV. Collegio. Lettere pricipi. F. 13, N 70). Текст размещен на одном листе размером 46,8 см. x 63 см. Грамота написана круглящимся полууставом, черными чернилами. Над верхней строчкой – царской интитуляцией – расположен растительный орнамент, в центре которого царская корона. Стилизованными цветами, обрамляющими весь текст грамоты, украшены также правое и левое поля. Первое слово – “Божиею” – выписано в форме цветочного орнамента, где выделяется инициал “Б”. Титул царя написан золотом до буквы “М” включительно (в слове “Московский”), титул адресата написан золотом полностью. Ниже и правее текста – подпись Петра I. В правом нижнем углу – подпись канцлера: “Граф Головкин”. Обе подписи – более светлыми чернилами. На обратной стороне грамоты по центру расположена полоска бумаги с указанием адресата: “Светлейшему князю и господину, господину Иоанну Корнелиу, Божиею милостию арицху владетельства Венецииского, и всей яснейшей Речи Посполитой Венецийской”. Здесь же находится приписка венецианской канцелярии: 1716, 13 luglio Entrata alle Porte dell’Ecc.^{mo} Coll.^{gio} dell’agente dello Czar di Moscovia Pietro Beclemiscev. 1716, 29 agosto. L.R. (“1716, 13 июля Появление перед Высочайшей Коллегией агента Царя Московии Пьетро Беклемиева. 1716, 29 августа. Л.Р. – Перевод наш. – Н.К.)

Abstracts

Nataliya Kardanova

A Credential Letter of Peter the Great to Republic of Venice in the Context of the Russian-Venetian Diplomatic Relations

In early 18th Century, Russia, which at that time was involved in a long conflict with Sweden on the Northern front, was no more connected with the Republic of Venice through membership in the Anti-Ottoman Coalition. Until the end of his reign, Peter the Great maintained diplomatic relations with his former ally. These relations were activated twice. In 1710-1711, at the time of preparation for the Prut campaign, Peter the Great sent three envoys to Venice, including baron Urbich, Dmitriy Bozis and Matteo Karetta. In 1716-1720, due to Russia's economic interests, Petr Becklemishev was made its permanent representative in the Republic of Venice. The report presents the analysis of credential letters of Peter the Great's envoys in Venice in connection with the pre-existing tradition and with due regard to the specifics of the Russian diplomatic ceremonial (before the reign of Peter the Great and at his time). The author aims to detect the genre and stylistic specifics of Peter the Great's credential letter and to determine its role for the subsequent tradition.

Le lettere credenziali di Pietro il Grande ai dogi di Venezia nel contesto dei rapporti diplomatici tra la Russia e la Serenissima

All'inizio del Settecento quando la Russia (impegnata nella guerra pluriennale con la Svezia) e la Serenissima non erano più alleate nella lotta contro l'Impero Ottomano, Pietro il Grande, fino agli ultimi anni del proprio regno, continua comunque a mantenere i rapporti epistolari con i dogi di Venezia. Essi diventano più frequenti nel 1710-1711 durante la preparazione alla battaglia del Prut quando lo zar manda a Venezia tre missioni diplomatiche: quelle del barone Urbich, di Dmitrij Bocis e di Matteo Caretta, e poi nel 1716-1720 quando a Venezia si stabilisce il primo ambasciatore russo (*agent*) Petr Beklemišev con il compito di seguire i rapporti commerciali tra i due paesi. Nel contributo si fa il tentativo di esaminare le lettere credenziali di Pietro il Grande come un genere e di rilevarne le caratteristiche stilistiche. I testi vengono analizzati nel loro rapporto con la tradizione precedente con particolare attenzione all'evoluzione del cerimoniale diplomatico russo.

Keywords

Credential Letter; Peter the Great; Diplomatic Etiquette.